

Глава 20. Привязанность

Ранним утром следующего дня Чжао Лои проснулся и первым же делом повернулся, чтобы проверить лоб Ли Мэна. Стоило его пальцам коснуться кожи, как мальчик тут же открыл глаза. Его взгляд, затуманенный и прорезанный тонкими красными прожилками, был полон сонной, бессильной злости. От этого жгучего жара Чжао Лои лишь молча покачал головой — выносливость у мальчишки была совсем никудышной.

— Проваливай, — из последних сил процедил сквозь зубы Ли Мэн.

Чжао Лои тихо усмехнулся и отозвался с редкой для него мягкостью:

— И не подумаю.

Ли Мэн отвернулся к стене. Лежать было неудобно, холодный липкий пот неприятно стягивал кожу, но он упорно молчал, изо всех сил стараясь не выдать своего состояния: меньше всего на свете ему хотелось, чтобы Чжао Лои принялся переодевать его. Спустя какое-то время, так и не услышав ни звука, он осторожно оглянулся. Чжао Лои в комнате уже не было. От этого на душе стало спокойнее, но вместе с облегчением кольнула глухая тоска. Мальчик еще немного бездумно поглядел на пустой угол и, измученный болезнью, снова закрыл глаза.

Ли Мэн то забывался беспокойным сном, то снова приходил в себя. Он не помнил, как Чжао Лои приносил холодную воду, чтобы сбить жар, не заметил и того, как тот переодел его в сухую одежду. Он лишь чувствовал, что телу наконец-то стало сухо и дышать сделалось легче. Ближе к полудню в комнату заглянул Сунь Тяньинь, после чего велел Цзян Шу собрать нужные травы. А уже после обеда Чжао Лои сидел на корточках под навесом галереи, неторопливо обмахивая веером огонь под глиняным котелком. Горькое темное варево тихонько булькало в глине, источая тяжелый пар.

Сам Чжао Лои принадлежал к той породе людей, что не прекращают боя, пока полученная рана не окажется смертельной. Обладая редким врожденным даром восстанавливать силы после короткого сна, он почти никогда не берёг себя. Слишком много жизней он оборвал, слишком глубоко въелась в ладони чужая кровь, отчего в душе его порой вскипало мрачное отвращение к самому себе. Так продолжалось до тех пор, пока на его пути не встретился Ли Мэн.

Когда же в его мыслях появилось это странное, новое чувство? Веер в руке Чжао Лои медленно остановился. С тех самых пор, как они вернулись в Линчжоу, Ли Мэн напоминал ему маленького ручного зверька, который одновременно боялся своего хозяина и изо всех сил старался ему угодить. Чжао Лои привык к одиночеству; он уже и забыл, каково это — делить с кем-то кров без вечного ожидания удара в спину.

Ли Мэн. Чжао Лои мысленно повторил это имя, чувствуя, как внутри ворохнулась странная, необъяснимая тревога. Стоило этому мальчишке отлучиться хоть на день, как в голову лезли дурные мысли: вдруг этого недотепу кто-нибудь обманет или, упаси небо, побьет?

Порыв ветра, пролетевший по галереям, разнес тонкий аромат дикой сливы по самым дальним закоулкам Двора северного спокойствия. Розовые лепестки медленно оседали на влажную темную землю. Крошечный четырехугольный дворик казался затерянным под бескрайним серым небом.

Впервые в жизни Чжао Лои поймал себя на чувстве легкой зависти к Сунь Тяньиню и его ученику. Укрывшись от мирской суеты в этой крошечной, затерянной в горах обители, они целыми днями спорили по пустякам и без конца подначивали друг друга, но в этой суматохе было столько простого, неподдельного счастья.

Ли Мэна пришлось приподнять, чтобы напоить лекарством. Он выпил плошку, но тут же с трудом сдержал позыв к рвоте, и половина снадобья пролилась. Чжао Лои терпеливо налил еще, заставил выпить, а затем с привычным бесстрастным видом переодел мальчика в сухое и обтер его тело влажной тканью. На мгновение его взгляд задержался на взмокшей пряди черных волос, прилипшей к виску Ли Мэна. Собрав посуду, Чжао Лои направился к Сунь Тяньиню.

Сунь Тяньинь сидел за столом, перебирая сушеные корни и травы. Появление Чжао Лои не вызвало у него ни малейшего удивления.

— Жар спал? — поинтересовался лекарь, не поднимая головы.

— Угу, — Чжао Лои принялся лениво разминать пальцы, с хрустом потягивая их один за другим. Бросив короткий взгляд на Сунь Тяньиня, он добавил: — Способ приманки, о котором вы говорили, подходит. Как только Ли Мэн встанет на ноги, я бы хотел, чтобы вы как можно скорее провели обряд.

— Если тебе его не жаль, можем хоть сейчас вытащить его из постели и сделать всё необходимое, — с легкой усмешкой отозвался Король ядов. — Мне-то без разницы.

— Жаль, — коротко отрезал Чжао Лои.

Сунь Тяньинь на миг замер, удивленный такой прямоотой, но затем его лицо приняло понимающее выражение.

Чжао Лои заметил, что собеседник истолковал его слова по-своему, однако пускаться в объяснения не стал.

— И еще одно, господин Сунь. Пожалуйста, избавьте моего ученика от лишних подробностей. Он слишком уж дорожит собственной жизнью. Боюсь, если он узнает, как именно действует этот метод, то попросту попытается назад.

Сунь Тяньинь хмыкнул:

— Договорились, помалкивать мне не трудно. В конце концов, когда правда всплывет, расхлебывать это придется тебе, а не мне. Я и сам, знаешь ли, терпеть не могу принуждать людей.

Уладив дело, Чжао Лои покинул комнату. У самого порога он столкнулся с Цзян Шу. Разумеется, ученик лекаря не упустил возможности одарить его свирепым взглядом, но Чжао Лои лишь равнодушно прошел мимо.

Ли Мэн проспал почти до полудня следующего дня. Болезненная дрожь наконец утихла, и после долгого лежания в постели ему безумно хотелось вскочить и нарезать сотню кругов по двору. Сами собой в голову полезли мысли о недавней размолвке с Чжао Лои. Мальчик засомневался: не слишком ли глупо и мелочно он себя повел? Чжао Лои сейчас в том самом возрасте, когда кровь так и бурлит в жилах. К тому же в Чжунъане увлечение мужчин друг другом не считалось чем-то из ряда вон выходящим. Да и сам Ли Мэн, желая насолить Деве Сяо, всю трепал языком, будто его наставник предпочитает юношей.

С другой стороны, Чжао Лои частенько заглядывал в веселые кварталы и крутил шашни со многими тамошними девицами. Может, той ночью, наслушавшись бесстыдных стонов из комнаты Сунь Тяньиня, он просто разгорячился? А поскольку сам Ли Мэн был щуплым и еще не успел толком возмужать, наставник в полутьме мог принять его изящный силуэт за девичий.

Ли Мэн так увлекся своими рассуждениями, что не заметил, как в комнату вошел Чжао Лои. Мальчик густо покраснел до самых ушей. Поставив на стол большой лакированный поднос с едой, мужчина скользнул по нему быстрым взглядом и велел подниматься к обеду.

Нехотя натянув халат, Ли Мэн кое-как, вяло завязал пояс. Когда Чжао Лои вернулся, они молча уселись за стол. Ни один не спешил нарушать тишину.

Обычно молчание Чжао Лои никого не удивляло — он мог не проронить ни слова с утра до самого вечера. Но Ли Мэна эта тишина душила. Он то и дело бросал на мужчину быстрые пытливые взгляды, но стоило Чжао Лои поднять голову, как мальчик тут же утыкался носом в тарелку.

Чжао Лои молча поддел палочками два самых нежных, жирных кусочка рыбы с брюшка и переложил их в миску ученика, а сам принялся неторопливо обглаживать кости.

— Учитель...

Чжао Лои отложил начисто обглоданную косточку и наконец взглянул на мальчика. По одному только виноватому лицу Ли Мэна было ясно, что тот все еще изводит себя глупыми мыслями. От этого Чжао Лои и сам почувствовал легкую неловкость.

— Когда мы двинемся в путь? Не стоит заставлять второго шишу ждать слишком долго.

Чжао Лои удивленно приподнял бровь:

— Неужели так соскучился по своему шишу?

— Разве у нас нет незаконченных дел? — уклонился от ответа мальчик.

— Завтра господин Сунь проведет обряд, и сразу после этого мы спустимся в долину.

Ли Мэн в недоумении склонил голову набок:

— Разве мы приехали не для того, чтобы избавить меня от яда?

— Сяо Чанчу не поскупилась на средство против тебя. Тот гу, которым тебя отравили, нельзя вытащить сразу — иначе ты попросту лишишься рассудка. Сперва придется подселить к нему другой вид паразитов. Через полгода мы вернемся сюда, и тогда господин Сунь вытащит обоих за один раз, — коротко пояснил Чжао Лои, явно давая понять, что возвращаться к разговорам о той ночи он не намерен.

— И... я от этого не помру? — не успел Ли Мэн договорить, как получил чувствительный щелчок палочкой по лбу.

— Не помрешь. Еще никто из тех, кого твой учитель брался оберегать, не отправлялся на тот свет у меня на глазах, — Чжао Лои быстро прикончил остатки риса, поднялся из-за стола и понес посуду во двор.

Ли Мэн остался сидеть в одиночестве, бездумно ковыряя палочками в миске. Известие о том, что яд останется в теле еще на полгода, навалилось на грудь тяжелым, сырым комом. Обида на Чжао Лои как-то сама собой отступила, сменившись глухой тревогой.

Эту ночь Чжао Лои провел в соседней комнате, которую заранее привел в порядок. Ли Мэн долго ворочался с боку на бок, вглядываясь в темноту, и заснул лишь под самое утро, когда небо за окном начало едва заметно сереть.

Проспать ему удалось недолго: вскоре тишину нарушил бесцеремонный, громкий стук в дверь. Цзян Шу по очереди растолкал обоих гостей, проследил, чтобы они набили утробы нехитрым завтраком, и повел к своему наставнику.

Ли Мэн понуро плелся следом за Чжао Лои. В комнате лекаря их встретил непривычно радушный Сунь Тяньинь. Он мягким жестом указал на два стоявших рядом стула, приглашая их сесть.

— Твой гу оказался на редкость живучим и коварным, — неторопливо заговорил Сунь Тяньинь.

— Попытайся я изгнать его сию минуту, он бы попросту выжег тебе мозги. Поэтому сначала мы посадим к нему другого паразита. Они начнут бороться за выживание, ослабляя друг друга. Ровно через полгода, в ночь полнолуния, наступит идеальный момент, чтобы извлечь их обоих. Так что до пятнадцатого дня седьмого лунного месяца вы обязаны вернуться в Обитель праздных.

Вспомнив события памятной ночи, Ли Мэн густо покраснел под пристальным взглядом лекаря.

Сунь Тяньинь двигал пальцами с невероятной быстротой. Сам обряд мало чем отличался от того, что проделала над мальком Сяо Чанчу. Единственное, что искренне удивило Ли Мэна — лекарь велел Чжао Лои тоже закатать рукав и протянуть руку.

— Учителю тоже введут яд? — беспокоился Ли Мэн.

— Все в порядке, — ровным голосом отозвался Чжао Лои.

Мальчик непонимающе перевел взгляд на Сунь Тяньиня, и тот со смешком принялся растолковывать:

— Эти паразиты — так называемые гу матери и дитя. Стоит подселить «дитя» в твоё тело, как «мать» должна обрести хозяина поблизости. Иначе молодая тварь внутри тебя взбунтуется и не станет бороться с прежней отравой. Не бойся, это совершенно безопасно. Когда придет время, я извлеку гу из вас обоих одновременно.

Объяснения лекаря прозвучали для Ли Мэна как полнейшая тарабарщина, но спорить он не решился и безропотно позволил закончить обряд. Цзян Шу, прислонившись к стене и скрестив руки на груди, сверлил гостей колючим взглядом — казалось, он спит и видит, как бы поскорее спустить их с кручи пинками.

Когда всё закончилось, Ли Мэну показалось, будто он пробудился от нелепого сна. Преодолеть тысячи ли, пробираясь в самую глубь Наньчжоу лишь ради того, чтобы обзавестись новой тварью под кожей, которую все равно придется вытаскивать через полгода!

Закатав рукав, мальчик уныло уставился на багровую точку на локтевом сгибе. С самого вчерашнего дня она ни капли не изменилась. Он раздраженно одернул ткань и тяжело вздохнул — все это казалось ему глупой и бессмысленной затеей.

Чжао Лои задержался в комнате, расспрашивая о чем-то Сунь Тяньиня. Когда он наконец вышел во двор, Ли Мэн все так же сидел на каменном выступе, крепко прижимая к груди узел с вещами. Мужчина окинул взглядом свои измятые дорожные одежды, небрежно отряхнул подол и неторопливой, уверенной походкой подошел к мальчику.

— Поднимайся. Пора в дорогу.

Прижав к себе узел, Ли Мэн побрел следом за Чжао Лои, на ходу коротко поклонившись хозяевам Обители праздных на прощание. На крутом спуске Чжао Лои вел лошадь под уздцы, а мальчик плелся позади, целиком погруженный в собственные безрадостные думы. Несколько раз его нога срывалась на мокрых камнях, но он упрямо молчал, не желая жаловаться.

Слух у мастера боевых искусств всегда безупречен — Чжао Лои улавливал каждый неверный шаг своего спутника и то и дело оглядывался на него. Но упрямое молчание мальчика лишь делало висевшую между ними неловкость еще более ощутимой, и мужчина тоже не спешил заговаривать.

Глядя на широкую, непреклонную спину идущего впереди Чжао Лои, Ли Мэн то чувствовал, как к глазам подступают горькие слезы, то сжимал кулаки от бессильной досады. Он нахмурился, остро ощущая, какой зыбкой и опасной кажется его собственная судьба.

Что вообще представляет собой эта Башня Десяти Направлений и почему за ней охотятся императорские ищейки? С какой стати старик Сунь так тщательно ощупывал его кости и суставы? Наверняка ведь не из праздного любопытства. Снадобье, что дала ему Сяо Чанчу, теперь потеряно, а значит, помочь ей добыть Свиток Сотни Оружий он не сможет. Но без этой проклятой бумаги девица ни за что не раскроет тайну гибели его семьи. Чжао Лои упорно хранит молчание. Хо Ляньюнь хоть и приветлив с ним, но тоже явно что-то недоговаривает. О чем думает его названный учитель? Если он действительно взял его в ученики, почему до сих пор не обучил ни одному приему?

Горная тропа тянулась бесконечной лентой. В глубокой тишине раздавался лишь тихий шелест ветра в вершинах сосен. Спустя какое-то время Чжао Лои уловил, что шаги плетущегося позади Ли Мэна звучат все глуше и реже. Обернувшись, он увидел, что мальчик и вовсе застыл посреди дороги.

— Ноги не держат? — Чжао Лои опустился перед ним на корточки. Даже в этом положении его могучая фигура почти не уступала ростом стоявшему мальчику. Одетый в простое полотняное платье, он выглядел как заправский воин, привыкший к невзгодам. Подняв голову, мужчина заметил влажный блеск в глазах ученика и то, как тот мелко дрожит губами.

— Забирайся, — Чжао Лои поднялся, развернулся к нему спиной и снова присел, слегка похлопав себя по плечам.

Немного поколебавшись, Ли Мэн неохотно прильнул к его спине и обхватил шею руками.

Чжао Лои едва заметно улыбнулся. Подхватив ношу, он уверенно зашагал по узкой тропинке под сенью густого соснового бора. Лошадь послушно трусила чуть впереди.

— Учитель... — донесся до него тихий, нерешительный голос.

— Говори, — коротко и твердо отозвался Чжао Лои, не терпящим возражений тоном.

— Когда я... когда я смогу стать таким же сильным, как ты? Чтобы ни от кого не зависеть...

Чжао Лои устремил взор вперед. Горная тропа тонула в густом молочно-белом тумане — разглядеть можно было разве что землю под ногами, а все, что лежало дальше, скрывала плотная завеса.

— Быть таким, как я, — сомнительная радость.

Ли Мэн лишь крепче прикусил губу.

— Как только спустимся в долину, я передам тебе кое-какие вещи. С этого дня начнешь учиться. Каждый день я буду показывать тебе приемы — будешь прилежно отрабатывать их раз за разом. Самое важное для тебя сейчас — научиться выживать. Пойми, ты взялся за оружие слишком поздно, и мгновенного успеха ждать не стоит, — негромко проговорил Чжао Лои.

Услышав долгожданные слова, Ли Мэн чуть не скатился с его плеч от радости:

— Учитель! Ты правда начнешь меня учить?!

Чжао Лои бесстрастно обронил:

— Я ведь обещал, что дам тебе выбор, когда мы покинем Наньчжоу. Раз уж ты так рвешься пойти по моим стопам... — Он выдержал короткую паузу. — Смотри только потом не ной от усталости.

Ли Мэн в восторге так крепко обхватил Чжао Лои за шею, что едва не перекрыл ему дыхание, и весело завопил:

— Учитель, ты самый лучший! Но-о, поехали!

— Хм... — Чжао Лои закашлялся от такой неожиданной хватки. На мгновение ему безумно захотелось сбросить негодника на землю, но ледяной панцирь отчуждения, сковавший его душу, окончательно растаял. Он замахнулся и шутливо шлепнул Ли Мэна пониже спины: — Угомонись!

Теперь, когда он начнет обучаться боевым искусствам, ему больше не придется трепетать перед Сяо Чанчу и ее прихвостнями. Появится шанс отомстить за гибель родных. Первым делом нужно вывести у девицы Сяо все подробности той давней трагедии. Ли Мэн притих, размышляя: какая еще тайна могла скрываться за этим делом? Ведь отец и вся их родня были казнены на площади по прямому указу императора. Но зачем Сяо Чанчу лгать ему? До их встречи они даже не знали друг друга, и причин для обмана у нее попросту не имелось.

Сяо Чанчу прекрасно знала, что Чжао Лои держит путь в Фэнъян, а значит, непременно отправится туда следом. Возможностей для расспросов будет предостаточно. Успокоившись, Ли Мэн уткнулся носом в теплую шею наставника. Мерное покачивание и родной, чуть терпкий запах убаюкивали, и глаза мальчика стали медленно слипаться.

От Наньчжоу до Фэнъяна оставалось несколько десятков ли. Дорога выдалась тряской, но Ли Мэн, надежно устроившись за спиной Чжао Лои, почти весь путь крепко спал. Когда они наконец добрались до массивных ворот Фэнъяна, перед ними предстала длинная очередь — не меньше сотни людей томились в ожидании досмотра у городских стен.

Чжао Лои бережно ссадил ученика на землю.

Прищурившись, Ли Мэн всмотрелся в ворота:

— Сегодня на въезде обыскивают каждого.

Оценив масштабы скопившейся толпы, Чжао Лои огляделся по сторонам. Заметив неподалеку придорожный чайный навес, он вложил поводья в руку Ли Мэна, кивнул на столы и протянул ему пригоршню медных монет:

— Иди посиди там, передохни. А я схожу разведу обстановку.

Под соломенной крышей навеса отдыхали двое мужчин. На них были форменные лазурные халаты, плечи которых украшал серебряный узор в виде клубящихся облаков, а на груди красовался вышитый спящий белый тигр. На головах незнакомцев были высокие чиновничьи шапки с длинными шелковыми шнурами, свисавшими до самых ребер.

Ли Мэн заказал чайник простого отвара. Налив полную чашку, он не стал пить, а лишь обхватил ее ладонями, чтобы согреть пальцы. Сидевшие неподалеку мужчины мазнули по нему равнодушными взглядами и, сочтя обычным ребенком, преспокойно продолжили свой разговор, даже не подумав понизить голос.

— Сверху пришел строгий указ: Цюнцы не трогать. Наша цель — только забрать вещь. Говорят, генерал Чэнь рвал и метал, но так и не смог переспорить главу павильона. Пришлось подчиниться и утереть нос.

Второй собеседник тяжело вздохнул:

— Легко сказать — отобрать вещь у самого Цюнцы! В Башне Десяти Направлений служат четыре великих убийцы, столкнись мы хоть с одним из них — пиши пропало, костей не соберем. Придется действовать по обстоятельствам. Как пройдем ворота, сразу свяжемся с Сяо

Чанчу. Пусть эти бродяги из цзянху грызутся между собой, а мы постоим в сторонке. Наше дело — присматривать за порядком, а не лезть в пекло самим.

Ли Мэн незаметно покосился на них из-под опущенных ресниц. Говоривший мужчина выглядел хмурым и озабоченным, то и дело качая головой.

— И все-таки план генерала Чэня был надежнее, — проворчал его товарищ. — Если сначала прикончить Цюнци, прибрать к рукам сокровище станет куда проще, да и нам бы мараться не пришлось... Но скажи мне, кто вообще такой этот наш глава павильона? С какой стати он вечно вставляет палки в колеса генералу?

— Кроме генерала Чэня его истинного имени никто не знает. Он владеет золотым жетоном Самого, так что даже главнокомандующий может лишь советовать, но не отменять его приказов. Да и для нашей службы чем меньше людей знают лицо главы, тем чище работа. Пусть на виду остается один генерал Чэнь, этого достаточно.

— Поговаривают, будто Цай Жун без конца шлет во дворец прошения, умоляя государя распустить наше ведомство...

— Куда там! Наш государь мнителен сверх меры, так что, сдается мне, мы еще долго будем кормиться у казенного котла. К тому же подумай сам: в наших руках сосредоточены тайны и слабости половины придворной знати. Если нас разгонят, то никто из братьев живым не уйдет... — Говоривший внезапно умолк, поднялся со скамьи и громко крикнул хозяину: — Старик, плата за чай на столе, забери!

Ли Мэн торопливо опустил голову, делая вид, что увлечен своим остывающим напитком. Лишь спустя пару вздохов он отважился взглянуть вдогонку. Незнакомцы уверенно шагали напрямик к воротам, огибая длинную людскую змею — у них явно имелось особое разрешение на проход без досмотра.

Чай в чашке совсем остыл, и Ли Мэн подозвал разносчика, чтобы заказать еще один чайник. В этот момент за стол скользнул вернувшийся Чжао Лои. Сделав пару глотков горячего отвара, он негромко произнес:

— Все спокойно. Ищут молодого хозяина из поместья семьи Ван. Можем проходить открыто, до нас им дела нет.

Ли Мэн облегченно выдохнул. Помедлив, он решил придержать при себе подслушанный разговор и рассказать обо всем Чжао Лои только вечером, когда они окажутся в безопасности под крышей постоянного двора.

К тому времени как они миновали ворота, город уже окутали густые сумерки. Недолго думая, путники отыскивали неприметный постоялый двор на тихой улочке, решив перебраться здесь ночь и продолжить путь на рассвете.

Наскоро поужинав, оба почувствовали сильную усталость. Ли Мэн в нерешительности замер перед единственной в комнате кроватью. Пока Чжао Лои разбирал дорожные мешки, мальчик подошел ближе и тихо предложил:

— Учитель, ложись на постель. А я устроюсь на полу, мне не привыкать.

— А завтра мне снова придется бегать по Фэнъяну в поисках лекаря и целебных снадобий для твоей простуженной тушки? — с усмешкой парировал Чжао Лои.

— В этом только твоя вина! — выпалил Ли Мэн, но тут же спохватился. Краска снова залила его лицо, и он поспешно отвернулся, сердито уткнувшись в чашку с остывшим чаем.

— Уже поздно, не пей столько чая. Если ночью не сможешь сомкнуть глаз, не надейся, что я стану развлекать тебя сказками.

Пришлось послушно поставить чашку на стол. Обернувшись, Ли Мэн заворуженно наблюдал за тем, как Чжао Лои устилает кровать. Его могучие плечи почти задевали балки низкого потолка, однако то, как бережно этот грозный воин расправлял складки грубого одеяла, выдавало скрытую в нем, непривычную заботу.

Чжао Лои взбил подушки, одну из них отложил на стул, а затем вытащил из ветхого шкафа запасной тюфяк. Из темного угла у стены он извлек потертую бамбуковую циновку и расстелил ее прямо на досках пола.

— Учитель, ты собрался спать на полу? — спросил Ли Мэн.

— Раз уж ты наотрез отказываешься делить со мной одну кровать, придется мне устроиться внизу, — Чжао Лои встряхнул одеяло, укладывая его поверх циновки. Опустившись на одно колено на свое импровизированное ложе, он бросил на мальчика лукавый, вызывающий взгляд: — А что, неужели передумал и хочешь лечь со мной?

Ли Мэн затряс головой так яростно, словно игрушка-трещотка.

Чжао Лои снисходительно усмехнулся:

— Тогда брысь под одеяло. Завтра предстоит тяжелый день, и если ты не выспишься, от тебя снова не будет никакого проку.

Глубокой ночью Ли Мэн проснулся от холода. Зуб на зуб не попадал. Поколебавшись, он бесшумно сполз с кровати и юркнул под одеяло к Чжао Лои.

—...Ты что творишь? — без малейшего удивления, ровным голосом спросил Чжао Лои, глядя

сверху вниз на макушку прижавшегося к нему мальчика.

— Учитель, тебе все-таки кто больше по душе — мужчины или женщины? — набравшись смелости, спросил Ли Мэн. Этот вопрос не давал ему покоя последние два дня.

— А тебе самому как кажется?

— Не знаю, — честно признался Ли Мэн. Приподняв голову, он задел лбом жесткую щетину на подбородке наставника. Холод и сырость, тянувшие от пола, заставили его без лишних раздумий запустить ладони под просторный халат Чжао Лои — прижиматься к широкой, горячей груди учителя было куда приятнее.

— С десяти лет моя жизнь состояла лишь из двух вещей: я либо убивал сам, либо спасался от тех, кто пытался убить меня, — после долгого молчания заговорил Чжао Лои. — Тебе повезло куда больше, парень. У меня просто не было времени забивать голову подобной чепухой. Да и если бы я к кому-то привязался... это принесло бы несчастному лишь беды.

Ли Мэн прислонился щекой к его груди. Его дыхание выровнялось — похоже, мальчик наконец заснул. В кромешной темноте Чжао Лои долго вглядывался в его лицо. Внезапно в груди разлилось странное, пульсирующее тепло. Быть может, это пробудился подсаженный Сунь Тяньинем паразит, почуявший близость своего сородича в теле мальчика. На губах Чжао Лои на миг скользнула слабая, мягкая улыбка, но лицо его тут же снова приняло бесстрастное выражение, и он закрыл глаза.

— Ты мог бы больше не убивать, — внезапно прошептал Ли Мэн в полусне. — Поднебесная огромна. Помимо Башни Десяти Направлений есть множество мест, где можно укрыться.

Эти слова показались Чжао Лои забавными, и он тихонько рассмеялся — его смех прозвучал низко и на удивление мягко.

— Историю, которую я рассказывал тебе в прошлый раз, я так и не закончил, — нарушил он затянувшееся молчание. — Хочешь послушать дальше?

— Про Чёрного Пиона? — Ли Мэн приподнялся на локте, с любопытством заглядывая ему в лицо.

Чжао Лои коротко угукнул и легонько ткнул его ногой под одеялом:

— Ложись нормально.

Мальчик немного завозился, устраиваясь поудобнее, и затих.

Низкий, размеренный голос Чжао Лои лился в полумраке, подобно приглушенной песне древней глиняной флейты. Он убаюкивал, бережно вытесняя из души Ли Мэна остатки недавней неловкости и обид, стирая любые преграды, что еще вчера разделяли учителя и ученика.

<http://bllate.org/book/18266/1761078>